

Митрофанов

Андрей Юрьевич

**Кодификация канонического права в период раннего
средневековья
(IV-XI вв.)**

**Специальность: 07.00.03 – Всеобщая история
(история средних веков)**

**Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук**

Санкт-Петербург

2011

Работа выполнена на кафедре истории средних веков исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

Научный консультант: доктор исторических наук, профессор Лебедева Галина Евгеньевна

Официальные оппоненты:

Член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор Медведев Игорь Павлович, главный научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН

Доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета Егоров Алексей Борисович

Доктор философских наук, профессор Российского государственного профессионально-педагогического университета Макаров Дмитрий Игоревич

Ведущая организация: Уральский государственный университет

Защита состоится « » _____ 2011 года в « » часов на заседании диссертационного совета Д 212.232.57 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора наук при Санкт-Петербургском государственном университете. (199034, Санкт-Петербург, В.О., Менделеевская линия, д. 5, исторический факультет, ауд. 70.)

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке имени А.М. Горького Санкт-Петербургского государственного университета

Автореферат разослан « » _____ 2011 года.

Ученый секретарь диссертационного совета

д.и.н. Петров А.В.

Общая характеристика работы

Право как система запретов и предписаний, призванных реализовать определенные религиозно-мировоззренческие и социально-политические представления в практической жизни общества, неразрывным образом связано с религиозно-философскими и экзистенциальными ценностями этого общества. Уже в Древности старейшие сохранившиеся до наших дней правовые «кодексы»: Законы Хаммурапи, Декалог и Закон Моисея в целом, Постановления Драконта, Ликурга и Солона, Законы Двенадцати Таблиц содержали в себе чрезвычайно важную религиозно-этическую мотивацию, сообщавшую этим законам необходимую силу и авторитет. В средние века развитие правовых теорий и институтов проходило в тесной связи с христианизацией общества, начавшейся в Поздней Римской империи. После легализации христианской церкви императором Константином в 313 г. последовало провозглашение христианства официальной религией Римской империей в 381 г. императором Феодосием. С одной стороны указанные события предопределили дальнейшее постепенное согласование юридических принципов жизни в империи с принципами христианской веры и морали. С другой стороны христианская церковь стремилась заимствовать и использовать определенные установления римского права, наполняя его по возможности новым религиозно-этическим содержанием. По словам Ж. Годме, церковь не могла игнорировать римское право, поскольку это право было правом ее верных членов.

Указанные обстоятельства привели к появлению и формированию нового вида права: канонического права, которое в дальнейшем по разному эволюционировало на христианском Западе и на христианском Востоке. Если на пространствах сокрушенной варварами Западной Римской империи каноническое право в виде декретов Римских епископов и постановлений соборов становилось мощным цивилизующим фактором, средством распространения традиций римского права, в Византии каноническое право развивалось в тесной связи с императорским законодательством, касавшемся церкви. Это обстоятельство привело в итоге к формированию единого церковно-государственного кодекса - Номоканона. Различные принципы кодификации канонического права в латинском культурно-политическом ареале и в Византии в значительной степени предопределили раскол христианского мира, завершившийся к 1054 г.

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что проблема кодификации канонического права в период раннего средневековья представляется фундаментальной для понимания основополагающих процессов европейской истории.

Источники канонического права развивались по мере централизации церковного управления, как на Западе, так и на Востоке Римской империи, начиная с IV в. При этом, кодификация канонического права на латинском Западе долгое время (до середины IX в.) эволюционировала под влиянием систематизации этих источников по географическому и хронологическому принципу. С этой точки зрения развитие канонического права в Византии в указанный период и его кодификация характеризуются стремлением к аналитическому восприятию норм права. Первые византийские «Номоканоны» и сборники императорских законов в отношении церкви VI в. отличаются в юридическом отношении более осмысленной рубрикацией и интерпретацией документов, чем латинские «собрания» канонов римского, галльского и испанского происхождения V-VI вв. Исключением здесь является лишь «Собрание канонов» Крескония, приписываемое современными учеными Дионисию Малому. В середине IX в. учение о вселенском примате Римского епископа, динамически развивавшееся на латинском Западе с конца IV в. (*Decretum Gelasianum*), и византийская теория пентархии, окончательно утвержденная 36-м правилом Трулльского собора 692 г., вступили в непримиримое противоречие между собой. Это противоречие в полной мере проявилось в конфликте между папой Николаем I и патриархом Фотием. Именно в эту эпоху происходит окончательная географическая и хронологическая систематизация канонического права, как в Римской церкви, так и в Константинопольском патриархате. С одной стороны при папе Николае I нотариусы базилики апостола Петра подвергают рецепции «Псевдо-Исидорово Собрание», созданное бенедиктинскими монахами из Корби между 849-852 гг. и включавшее, как каноны греческих и латинских поместных соборов IV-IX вв. в редакции «*Collectio Hispana Augustodunensis*», так и знаменитые «подложные декреталии». С другой стороны при патриархе Фотии номофилаксы Великой церкви принимают окончательную редакцию «Номоканона XIV титулов», созданного впервые в царствование императора Ираклия и пополнявшегося на протяжении столетий. По верному замечанию В.Н. Бенешевича, «Номоканон 883 г. — великий акт самоопределения Восточной церкви, он знаменует возвращение к древним подлинным основам церковного строя, как они были закреплены в VI-VII вв., но в духе строгого церковного предания, нашедшего себе выражение в правилах соборов, начиная с Трулльского. Если принять во внимание, что для Западной церкви такое значение имел Лже-Исидоров сборник, характеризующийся как раз противоположными чертами, то с точки зрения истории церковного права не будет преувеличением датировать разделение церквей 883 годом».¹

Становление учения о вселенском примате Римского епископа во многом стимулировало разработку правовой канонической теории на латинском Западе в XI в. Появление новых церковно-юридических

¹ Бенешевич В.Н. Канонический сборник XIV титулов со второй четверти VII века до 883 г. СПб., 1903, С.VII-IX.

компиляций, борьба между Папством и Священной Римской Империей за инвеституру, григорианская реформа в значительной степени стимулировали разработку указанной теории. Если папа Лев Великий говорил в V в. о том, что Римская церковь живет по римскому праву, в то же время апостол Павел свидетельствовал за четыре столетия до того, что оправдание и вечное спасения не достигаются внешним соблюдением какого-либо религиозного закона. Стремясь найти разрешение указанному противоречию, опираясь на труды Бурхарда Вормсского, Ансельма Луканского и Ивона Шартрского, итальянские канонисты создали в XII в. полномасштабную ученую энциклопедию по каноническому праву, известную под наименованием «*Concordia discordantium canonum*» или «Декрет Грациана».² В то же самое время каноническое право в Византии развивалось в XI в. совершенно иначе. Тесная взаимная связь между внутри церковным законодательством и законами императоров в отношении церкви привели к тому, что византийская церковно-юридическая мысль шла по пути толкования и интерпретации уже данного в «Номоканоне XIV титулов» и в «Синтагме» свода церковных установлений и правил. Результатом подобного развития вначале стало появление гражданских добавлений к «Номоканону» в виде «вставок» Феодора Веста, а затем рождение отдельного корпуса схолий на «Синтагму» и «Номоканон», созданного во второй половине XII в. Феодором Вальсамоном. Проблема взаимодействия канонического права и императорского церковного законодательства в Византийской империи принадлежит к числу наиболее дискуссионных. Как отмечает в связи с этим И.П. Медведев, «на фоне общих принципов взаимодействия церкви и государства отнюдь не становится яснее отношение между корпусом светских законов и каноническим корпусом церковного права, который был официально провозглашен вселенским Трулльским собором».³ Действительно, по общему мнению ученых: кардинала Ж. Питра, П. Иоанну и ряда других законодательство Трулльского собора 692 г. стало для Византии исчерпывающим сводом внутри церковной дисциплины. Однако проблема согласования церковных канонов и императорских законов откладывалась этим собором на много столетий (вплоть до Вальсамона). С нашей точки зрения необходимо согласиться с современным исследователем А.Г. Бондачем, который вслед за Н.С. Суворовым подчеркивает различие в восприятии канонического права на латинском Западе и византийском Востоке. Византийская система церковного права была примечательна именно тем, что она в отличие от системы права Римско-Католической церкви неразрывно связывала церковное и императорское законодательство. «С этим связано и противопоставление в католической юриспруденции права церковного и канонического: для первого субъектом правотворчества

² Landau P. *Intorno alle redazioni più ampie del XII secolo della raccolta dei canoni di Anselmo da Lucca / Sant'Anselmo, Mantova e la lotta per le investiture. Atti del convegno internazionale di studi (Mantova 23-24-25 maggio 1986) a cura di Paolo Golinelli, Bologna, 1987. P. 344-345; Fowler-Magerl L. Clavis Canonum. Selected Canon Law Collections Before 1140, 2008, P. 157-158.*

³ Медведев И.П. *Правовая культура византийской империи. СПб., 2001, С. 79.*

выступает светская власть, для второго — церковная. Для Византии подобная оппозиция совершенно чужда; каноническое и церковное право здесь соотносились как часть и целое, что и выразилось в Номоканоне»,⁴ — пишет ученый. Указанный вывод обосновывается анализом содержания таких византийских гражданских дополнений к Номоканону, как «Вставки» (Keimenon) Феодора Веста, «Трехчастное Собрание» (Collectio tripartita) Анонима Энантиофана, а также более ранние «Собрание 25 глав» (Collectio XXV capitulorum) и «Собрание 87 глав» (Collectio LXXXVII capitulorum) Иоанна Схоластика. Основой этих сборников оставалась первая книга «Кодекса Юстиниана» в греческих редакциях Анатолия и Стефана, сборник эксцерпт из «Дигест» и «Институций» в греческой редакции Анонима Пресвитера, извлечения из Новелл Юстиниана в обработке Афанасия, а также Новеллы Ираклия.

Кодификация канонического права в период раннего средневековья традиционно привлекала к себе внимание исследователей-медиевистов, византинистов и историков церкви. Еще в XVI-XVIII вв. Ц. Бароний, А. Агостино, Ж. Сирмонд, Ф. Лаббе, П. Квеснел, Х. Жюстелль, В. Бевередж, Л. Муратори, П. и Дж. Баллерини, являвшиеся не только крупными учеными-историками, но и яркими церковно-общественными деятелями своего времени, предпринимали попытки систематического изучения средневековых рукописных собраний и архивных хранилищ с целью публикации древнейших памятников канонического права и их описания. В XIX-XX вв. критическое исследование церковно-правовых кодексов позднеантичной и раннесредневековой эпохи, как латинских, так и византийских предпринимали Ж. Питра, Л. Дюшен, К.Х. Турнер, Фр. Танер, Э. Шварц, Ш. Мунье, П. Иоанну, В.Н. Бенешевич, В.А. Нарбеков. В исследованиях отечественных ученых-византинистов: И.С. Чичурова, Г. Л. Курбатова, Г.Е. Лебедевой и И.П. Медведева проблемы истории греко-римского права в целом и византийского канонического права в частности рассматривались в контексте диалектического единства и многоуровневой взаимосвязи правового сознания и общественно-политического строя Восточно-Римской империи. Подобная «комплексная методология» во многом проистекает из научного и творческого наследия «петербургской школы» историков начала XX в., созданной трудами И.М. Гревса, О.А. Добиаш-Рождественской, Л.П. Карсавина, Г. П. Федотова и А.В. Карташева.⁵ В определенном смысле эта методология использована также А.Е. Мусиным, уделившим особое внимание корпусу восточно-христианского церковного

⁴ Бондач А.Г. Nomoi kai kanones в византийском церковном праве / http://www.bogoslov.ru/data/786/314/1234/Bondach_Nomoi_kai_kanones.pdf

⁵ Мусин А.Е. Христианская община средневекового города северной Руси XI-XV вв. по историко-археологическим материалами Новгорода и Пскова. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. СПб., 2002, С. 4.

права в историко-археологических исследованиях по истории средневековой Руси.⁶

На основании вышеизложенного нам представляется возможным выделить основной круг факторов, рассматриваемых в диссертации и позволяющих говорить о ее актуальности. Среди подобных факторов необходимо упомянуть:

- Христианизацию общества и государственной элиты Поздней Римской империи, Восточно-Римской империи и «варварских королевств»,
- Формирование церковных институтов в качестве неотъемлемых элементов христианской церкви как религиозной коллегии, признанной римской государственностью,
- Рецепцию римского права церковными установлениями и ее историческое значение после падения Западной Римской империи,
- Необходимость всестороннего исследования исторических этапов кодификации канонического права в период раннего средневековья,
- Важность установления критического текста древнейшего кодекса канонов Римской церкви – «Codex Vetus Romanus» в сочетании с исследованием рукописной традиции сохранившего его «Квеснеллова Собрания» (*Collectio Quesnelliana*),
- Выявление исходной авторской редакции «Собрания канонов» Ансельма Луканского, окончательно определившего юридические основы григорианской реформы в XI в. и ставшего одним из главных источников при составлении «Декрета Грациана» около 1142 г.,
- Целесообразность сравнительного анализа методологических принципов латинских канонических сборников и византийского «Номоканона XIV титулов»
- Исследования генезиса Великой схизмы 1054 г.

Цель и задачи исследования. Учитывая решающее значение эволюции правовых институтов в истории средневекового общества, акцентировавшееся в работах Н.Д. Фюстель де Куланжа, нами формулируется основополагающая цель исследования. Эта цель заключается ***в определении основных принципов и результатов кодификации канонического права, различным образом проявившихся в исторической жизни раннего средневековья.*** Разрешить упомянутую проблему, являющуюся главной в представленном диссертационном исследовании, предполагается с помощью постановки и решения следующих задач:

- Выделение основных этапов кодификации канонического права в период раннего средневековья.

⁶ Мусин А.Е. Указ. Соч., С. 7.

- Определение темпов христианизации германских элит в «варварских королевствах», а также темпов «воцерковления» восточно-римской государственности, т.е. наделения восточно-римских государственных институтов их христианской интерпретацией.
- Выявление и анализ исторических реалий, сопровождавших эволюцию институтов и сборников канонического права в завершающий период истории единой римской государственности.
- Внутренняя и внешняя критика канонических источников, недостаточным образом введенных в научный оборот, но важных для изучения кодификации канонического права. («Квеснеллово Собрание», «Собрание канонов» Ансельма Луканского).
- Привлечение новых рукописных списков церковно-юридических сборников раннего средневековья для их последующего систематического описания и изучения.

При решении упомянутых задач следует определить *объект исследования*, который представляет собой корпус канонического права Римской и Константинопольской церкви в его исторической эволюции в период IV-XI вв. Разностороннее изучение исторических источников указанного типа позволяет полноценно осмыслить и подвергнуть историческому анализу *предмет исследования*, заключающийся в основополагающих тенденциях кодификации канонического права в период раннего средневековья.

Географические и хронологические рамки исследования.

Кодификация канонического права охватывала в период раннего средневековья широкие пространства, как входившие на 313 г. в состав единой Римской империи, так находившиеся на территориях некоторых сопредельных стран и регионов (зарейнская Германия, Гиберния, государство Аршакидов, Сасанидский Иран, Абиссиния). Несмотря на то, что по эдикту императора Константина к участию в Никейском соборе 325 г. были приглашены преимущественно те христианские епископы, которые являлись гражданами Римской империи, сохранившиеся списки его участников фиксировали имена предстоятелей христианских общин, прибывших извне. Указанное обстоятельство привело к вселенской церковной рецепции догматических решений и канонических постановлений Никейского собора не только в Римской империи, но и за ее пределами. Данный факт означал восприятие христианами, жившими вне политических границ империи, церковного административно-территориального устройства, заимствованного у позднеримского государства (разделение на диоцезы-епархии и провинции-митрополии). После окончательного падения Западной Римской империи в 476 г. эволюция канонического права и рецепция римских юридических установлений осуществлялась в «варварских» королевствах по мере их социальной и культурной романизации. Так,

например, в вестготской Испании этот процесс активно развивался с середины VI в. вплоть до арабского завоевания Пиренейского полуострова и отразился в частности в литературной деятельности Исидора Севильского. В то же время во франкской Галлии аналогичный процесс романизации существенно замедлялся из-за политического распада королевства Меровингов и общей варваризации общественно-политической и культурной жизни, которая хорошо известна благодаря историческому сочинению Григория Турского «История франков». Если католическая церковь в вестготской Испании провела полномасштабную кодификацию всего корпуса канонического права уже в VII в., выразившуюся в создании «Испанского Соборания» (*Collectio Hispana*), то церковные общины Нейстрии, Австразии и Бургундии довольствовались, как правило, заимствованием отдельных сборников канонического права, созданных в Италии или в Испании, дополняя их постановлениями собственных соборов. Примером подобных заимствований и дополнений являются «Лионское Соборание», «Дионисиевско-Адриановское Соборание», «Испано-галло-отенское Соборание». Только Каролингское культурное возрождение реально повлияло на общее повышение культурного уровня и правового сознания франкского епископата и клира с конца VIII в.. Этому возрождению также способствовал успех христианизации англосаксов на британских островах и развитие англосаксонской книжной культуры. Указанное обстоятельство привело к тому, что некоторые правовые памятники, сформированные в Риме еще на заре династии Меровингов, сохранились лишь благодаря англосаксонским и франкским скрипториям (*Collectio Quesnelliana*), а сфабрикованные в середине IX в.в аббатстве Корби «псевдо-исидоровы декреталии» повлияли на развитие канонического права Римской церкви, начиная со второй половины IX в.

Карфагенская церковь отличалась чрезвычайно высоким уровнем правовой культуры в IV-V вв., памятником которой стал созданный в 419 г. «*Codex canonum ecclesiae africanae*» – единственный за исключением канонов Сердикского собора латинский сборник канонического права, удостоившийся рецепции и перевода на греческий язык в Византии. Однако покорение римской северной Африки вандалами привело к фактической гибели Карфагенскую церковь. Ее восстановление императором Юстинианом в 530-е гг. уже не могло исправить того ущерба, который нанесли вандалы латинской культуре африканских христиан, исповедовавших православную веру.

Правовой основой церковной дисциплины, признававшейся повсеместно в христианской церкви, начиная с IV в., стал наряду с правилами Никейского собора 325 г. известный восточный кодекс канонов, составленный на греческом языке – «Антиохийская Синтагма». Христианская церковь, распространявшаяся в первые века своей истории с Востока на Запад, вполне естественно опиралась на свод церковной дисциплины, выработанный в

эллинизированных районах Сирии и Малой Азии. Вселенская рецепция «Синтагмы» предопределила последующую кодификацию канонического права в имперских столицах: Риме и Константинополе. Реформы папы Геласия и Дионисия Малого опирались как на «Синтагму», дополненную постановлениями вселенских соборов IV-V вв., так и на местные папские декреты. В IX в. Рим принял корпус канонического права в его испанской редакции, включавший также и латинский перевод «Синтагмы». Именно этот корпус был дополнен франкскими «псевдо-исидоровыми декреталями». В дальнейшем начиная с XI в. развитие канонического права в контексте противостояния двух территориально-политических центров: папского Рима и германского королевства способствовало превращению Рима и Вормса в основные юридические «лаборатории» по производству новых церковно-юридических сборников: «Декрета» Бурхарда, «Собраний» кардинала Деуседита и Ансельма Луканского.

Константинопольская церковь, получившая с санкции императора Феодосия I второе место в диптихе после Рима на Константинопольском соборе 381 г., на Халкидонском соборе 451 г. уже претендовала на равные юридические права с Римской церковью. Именно «Антиохийская Синтагма», дополненная правилами первых четырех вселенских соборов, каноническим сборником, созданным в Сирии и известным под наименованием апостольских правил, а также греческим переводом правил Сердикского собора легла в основу старейшего не сохранившегося корпуса канонов восточно-христианской церкви – «Номоканона LX титулов». Указанный «Номоканон» был переработан и дополнен в середине VI столетия трудами патриарха Иоанна Схоластика. В 692 г. Трулльский собор окончательно утвердил перечень канонических источников, формировавших корпус права восточной церкви, и прибавил к нему новые 102 церковных правила. Впоследствии этот корпус был дополнен постановлениями II Никейского собора 787 г. и Константинопольских фотианских соборов второй половины IX в. Константинопольский синод 919 г., ликвидировавший раскол николаитов и евфимитов, вновь утвердил расширенный патриархом Фотием вариант «Синтагмы» в качестве корпуса канонов католической церкви. Византийское церковное право, тесно связанное с имперским законодательством, совершенно игнорировало источники латинского канонического права, возникавшие после IV в. за исключением отдельных посланий Римских епископов Константинопольским патриархам. Идеи политического и культурно-религиозного превосходства, характерные для византийского правового сознания в последующие века, во многом способствовали закреплению за Константинопольским патриархом престолом статуса Вселенского, распространяющего свою юрисдикцию на всю ойкумену. Титул Вселенского патриарха, впервые появившийся в конце VI в., отвечал указанным устремлениям, проявившимся в некоторых позднейших византийских интерпретациях 28 правила Халкидонского собора, в частности в толкованиях Вальсамона и Зонара, а также у Анны

Комниной. Поскольку каноническое право Западной и Восточной церкви было в целом кодифицировано и юридически интерпретировано в период IV-XI вв., этот пространственный период ограничивает хронологические рамки исследования. Кодекс канонического права восточных нехалкидонитских церквей упоминался в исследовании лишь постольку, поскольку он испытывал влияние права неразделенной христианской церкви.

Источниковая база исследования.

Источниками диссертации служат юридические, дипломатические и эпистолярные памятники IV-XI вв., сохранившиеся в составе различных рукописных канонических сборников в списках VII-XI вв. Историко-юридическая, палеографическая, кодикологическая и дипломатическая экспертиза и интерпретация источников канонического права усложняется тем, что древнейшие списки латинских памятников появляются, начиная с VI в., а греческих - с IX в. Проблема хронологического несоответствия текста и списка, с которой столь часто сталкиваются ученые, работающие в области антиковедения, в отдельных сферах медиевистики и византиноведения, вынуждает применять специальные методы текстологической критики. В основу диссертационного исследования были положены различные списки канонических позднеимперских и раннесредневековых христианских канонических сборников, хранящиеся как в отечественных, так и в зарубежных фондах и собраниях. Среди них: Аррасский кодекс 644 из библиотеки аббатства святого Вааста (Ведаста) (ныне *Bibliothèque municipale d'Arras*), Айнзидельнский кодекс 191 из библиотеки кинонии святой Марии Отшельников (*Stiftsbibliothek des Klosters Einsiedeln*), Парижские латинские кодексы 3848 A, 3842 A, 1454, 1458, 12519, 12450-51, Парижский греческий кодекс 1333 из собрания Национальной Библиотеки Франции (*Bibliothèque Nationale de France*), Ватиканские латинские кодексы 1364, Барберини 535 из собрания Ватиканской Апостольской библиотеки (*Biblioteca Apostolica Vaticana*), Петербургский кодекс F. II. 3 из собрания рукописного отдела Российской Национальной Библиотеки, рукописи, хранящиеся в Лауренцианской Библиотеки Флоренции, Испанской королевской библиотеки Эскуриала, Бельгийской королевской библиотеки Брюсселя и ряд других памятников. К исследованию привлекались также некоторые археологические памятники, в первую очередь средневековые предметы литургического обихода: потиры, диски, реликварии, архиерейские жезлы, детали облачений: каппы, казулы, фелони, далматики, палии, омофоры, митры, позволяющие представить изменения канонической правоприменительной практики в раннее средневековье и обнаружить степень реального практического функционирования определенных канонических установлений. Привлекавшиеся к исследованию памятники известны по каталогам выставок и музейных собраний Государственного Эрмитажа (бывшее собрание Базилевского), Музея Средневековья «Cluny» (Париж), ризницы Лувенского собора, ризницы Льежского собора, базилики

и крипты св. Иосифа кармельского в Париже (Saint-Joseph des Carmes), ризницы Латеранской базилики в Риме (San Giovanni in Laterano), археологического памятника- аббатство Виллерс (Villers, Бельгия), археологического музея Лувенского Католического Университета (Louvain-la-Neuve). Необходимо отметить также дополнительные дипломатические и палеографические материалы из библиотечных фондов аббатств Шеветонь, Шиме и Орваль (Бельгия).

В диссертации использованы также церковно-юридические источники, опубликованные в исследованиях Ж. Питра, Л. Дюшена, К.Х. Турнера, Э. Шварца, Фр. Танера, Ш. Мунье, П. Иоанну, В.Н. Бенешевича. Нарративные, агиографические и литургические источники: хроники, жития, сакраментарии, мартирологи раннего средневековья, опубликованные в научных сериях Corpus Christianorum series latina, Corporis Christianorum Continuatio Mediaevalis, Corpus scriptorum ecclesiasticorum latinorum, Monumenta Germaniae Historica, Patrologiae cursus completus series graeca и series latina, Patrologia Orientalis. В диссертации использованы также некоторые средневековые лексиконы и словари, позволяющие лучше представить специфику канцелярского латинского языка меровингского, каролингского и оттоновского времени.

Степень изученности темы в значительной степени определяется кругом привлекавшихся источников. Большая часть рукописного церковно-юридического материала, использованного в диссертации, введена в научный оборот крайне ограниченно. Некоторые рукописи не имеют еще полного палеографического и кодикологического описания, целый ряд церковно-юридических памятников, использованных в диссертации, либо вообще не подвергались критическому изданию (Collectio Lugdunensis, Collectio Iustelliana), либо был опубликован частично с лакунами без учета всех списков (Collectio Quesnelliana, Collectio canonum Anselmi Luccensis, Commentaria Balsamoni). Кодификация канонического права в период раннего средневековья рассматривалась, как правило, в историографии бессистемно. Если исследователи – антиквары: Ц. Бароний, А. Агостино, Ж. Сирмонд, Х. Жюстелль, Ф. Лаббе, П. Квеснелл, В. Бевередж преимущественно стремились опубликовать и описать содержание отдельных церковно-юридических сборников, ученые XIX-XX вв. старались исследовать рукописную традицию и генеалогию подобных сборников, что позволило бы создать общую историю средневекового канонического права. С этой точки зрения можно говорить о том, что текстологические и кодикологические штудии Ф. Маасена, Ж. Питра, К.Х. Турнера, Фр. Танера, Э. Шварца, В.Н. Бенешевича, А.С. Павлова, П. Иоанну и Ш. Мунье сделали возможным создание обобщающих описательных работ А. Штиклера, П. Фурнье, Г. Ле Бра, С.Н. Трояноса, Ж. Годме, Б. Бадеван-Годме, П. Ерте, Л. Фоулер-Магерль, посвященных истории источников канонического права и церковных институтов в средние века, как на латинском Западе, так и на византийском Востоке. Однако указанные исследователи рассматривали

процесс кодификации канонического права в раннее средневековье в качестве вспомогательной иллюстрации к истории идей или религиозно-общественных движений и институтов, игнорируя необходимость реконструкции внутреннего генезиса канонических сборников и рецепции древнехристианских установлений в период активной внешней христианизации народов раннего средневековья. В настоящее время к осмыслению указанных проблем приблизился К.Г. Шен в специальной интернет-публикации рукописей «Псевдо-Исидорова Собрания» и его источников. Именно поэтому изучению упомянутых проблем, связанных с развитием канонического права в раннее средневековье и рецепцией в рамках этого права позднеимперского законодательства, в диссертации уделено значительное место.

Проблема преемства церковно-юридических сборников, вопрос об их географическом распространении и влиянии на развитие права нередко обходились вышеупомянутыми исследователями без внимания. В частности история создания древнейшего кодекса канонов Римской церкви – *Codex Vetus romanus*, принципы формирования и развития «Квеснеллова Собрания» в значительной степени оставались сокрыты. При этом древнейшие списки «Квеснеллова Собрания» упоминались вскользь, привлекались к изданию отдельных фрагментов памятника без реконструкции его рукописной традиции. Не менее сложные проблемы сопоставления оригинальных греческих списков «Антиохийской Синтагмы», поздних по времени возникновения, с более ранними латинскими и древнеармянскими переводами памятника также оставались без внимания. В частности В.Н. Бенешевич, А.С. Павлов и П. Иоанну настаивали на приоритете текстологического исследования греческих рукописей «Синтагмы» и их сравнения с более поздними переводами: старославянскими и древнегрузинскими. При этом, однако, «ретроспективное» сопоставление сохранившихся греческих рукописей IX-X вв. с латинскими и древнеармянскими переводными рукописями VI-VIII вв. не было реализовано в полной мере. Лишь в работах К.Х. Турнера указанный метод находил свое плодотворное применение. Впрочем, ученый ограничился текстологическими и палеографическими изысканиями в области истории древнего канонического права западной церкви. Проблема воплощения норм канонического права в практических отношениях церкви и государства в Восточно-Римской империи и в «варварских» королевствах, рассматривавшаяся в работах Ж. Годме, Б. Бадеван-Годме, Ж. Дагрона, нуждается в дальнейших исследованиях.

Указанные обстоятельства, отсутствие полноценных современных научных изданий целого ряда церковно-юридических памятников, как западного, так и византийского происхождения («Собраний канонов» Ансельма Луканского, кардинала Деусдедита, «Номоканона XIV титулов», корпуса схолий на «Номоканон» и «Синтагму») свидетельствует о недостаточной изученности истории и кодификации канонического права в

раннее средневековье. В настоящей диссертации проблема рукописной истории важнейших церковно-юридических сборников, проблема их взаимодействия с нормами светского права, практическое влияние этих сборников на общественную жизнь раннего средневековья приобретает первостепенное значение.

Методология исследования основывается на комплексном изучении церковно-юридических источников раннего средневековья, к которым следует отнести не только постановления соборов, декреты Римских епископов, определения патриархов и отцов церкви, но и корпус ранневизантийского императорского церковного законодательства. При этом применявшаяся в диссертации методология базируется на принципах историзма и объективности научного знания, извлекаемого из исторических источников в результате их всестороннего исследования и сопоставления. С этой точки зрения «позитивистская» методология, характерная для работ Л. Дюшена, К.Х. Турнера, В.Н. Бенешевича и избегающая какой-либо идеологической предопределенности, представляется нам оптимальной в диссертационном исследовании, посвященном истории любого права, в том числе канонического. Комплексное изучение церковно-юридических источников раннего средневековья, упомянутое выше, основывается на применении в диссертации ряда **научных методов**. Среди этих методов необходимо отметить приемы и элементы *палеографического анализа* рукописных церковно-юридических материалов с целью их датировки и выявления географического происхождения, *текстологического анализа*, необходимого для установления *критического текста* исследуемых документов, создания *генеалогической стеммы* списков и выявления позднейших *интерполяций*. В ряде случаев в диссертации использовались методы *кодикологического анализа*, позволяющие дополнительным образом выяснить условия происхождения документа и его списков. Некоторые типы церковно-юридических источников раннего средневековья вынуждают использовать в диссертации элементы *сравнительно-филологического анализа*, актуального в первую очередь для сопоставления титулов и рубрик латинских канонических сборников с более ранними документами, формировавшими их содержание. Так, например, рубрикация ряда франкских церковно-юридических кодексов VII в. содержит грамматические формы (прежде всего падежные окончания, сочетания предлогов и падежей), грубо нарушающие правила позднеклассического латинского языка и обнаруживающие деградацию письменной культуры галло-римского населения в условиях формирования *lingua romana rustica*. Указанный разговорный диалект, еще не развившийся в полноценный старофранцузский язык, приобретал в епископских канцеляриях меровингского времени черты специфического искусственного языка, называемого нередко «кухонной» или «поросячей» латынью. В то же время рубрикация и современные ей документы, формировавшие итальянские церковно-юридические сборники в

эпоху борьбы за инвеституру, характеризуется большим количеством слов и терминов, напрямую заимствованных из тосканского и умбрийского диалектов староитальянского языка. Примером таких слов являются существительные *don* вместо народного латинского *domnus* (от классического *dominus*), *guerra* вместо классического латинского *bellum* и т.д. Латинские церковно-юридические документы, созданные на Пиренейском полуострове, как в вестготскую эпоху, так и в период Реконкисты, характеризуются не столько морфологическими или лексическими искажениями классических норм латинского языка, сколько фонетическими изменениями звуков, отраженными в письме. Так, например, согласная *v* в подобных документах нередко трансформировалась в *b*, согласная *f* трансформировалась в *v*, а согласная *l* часто переходила в *r*. Общие проблемы трансформации позднеклассического разговорного латинского языка в местные романские наречия, исследованные в работах И.М. Тронского и В.Ф. Шишмарева, приобретают дополнительные перспективы разработки на основе изучения особенностей канцелярского юридического языка и стиля раннего средневековья. Определяя границы использования методов *сравнительно-филологического анализа*, необходимо отметить, что византийские канонические документы, формировавшие «Номоканон XIV титулов», несли на себе печать принятых при императорском дворе и в патриаршей канцелярии классических норм древнегреческого языка (койнэ) и были в целом избавлены от лингвистических «варваризмов». Для этих документов, прежде всего, характерно сильное влияние латинской юридической терминологии позднеримского времени. Периодизация и выделение основных этапов кодификации канонического права в раннее средневековье делают неизбежным применение в диссертации сравнительно-исторического анализа. В рамках использования подобной методологии неизбежно сопоставляются юридические документы, созданные в одно время в разных частях бывшей Римской империи. Указанный метод чреват известными упрощениями и риском анахронистических выводов, поэтому его применение либо оговаривается в диссертации, либо корректируется экскурсом в местный исторический контекст. Изучение эволюции правовых норм и учреждений требует также применение в диссертации методов *историко-юридического анализа*. Подобные методы позволяют исследовать семантические изменения таких юридических понятий, как *postulatio*, *ordinatio*, *depositio*, *dispensatio*, *ius rescripti*, *χειροτονία*, заимствованных каноническим правом, как из римского права, так и из законодательной практики древней классической Греции.

Научная новизна диссертации определяется не только полноценным введением в научный оборот церковно-юридических источников, ранее не привлекавшихся или привлекавшихся ограниченно к историческим исследованиям, но также систематическим освещением специфических тенденций развития канонического права в раннее средневековье. Эти тенденции заключаются как в трансляции принципов и норм римского права

в «варварских» королевствах, так и в легализации новых форм отношений христианской церкви и восточно-римского государства, выразившихся в развитии канонической теории пентархии. Как учение о вселенском примате Римского епископа, так и учение о пентархии было унаследовано раннесредневековой христианской Европой от антиарианских церковно-юридических моделей конца IV в. (*Decretum Gelasianum*, 3-е правило Константинопольского собора 381 г.). С этой точки зрения конфликт теории универсального первенства Римского епископа и теории пентархии не представляется неизбежным, но в значительной степени становится результатом автономного развития Римской церкви, ее франкских диоцезов, от культурно-политического влияния Византии в период после свержения императора Юстиниана II в 711 г. Подобная ситуация, обусловленная как вмешательством исаврийской династии в дела церковного управления, так и становлением разновидности западного каролингского цезаропапизма, привела в итоге к долгому кризису отношений Рима и Константинополя, который разрешился лишь в эпоху клюнийского движения формальным расколом 1054 г.

В диссертации в научный оборот впервые вводится древнейший список старейшего сохранившегося корпуса права Римской церкви, известного под наименованием *Collectio Quesnelliana* – Аппасский кодекс 644 из собрания аббатства святого Вааста (Ведаста), датируемый второй половиной VIII в. и известный по критическим публикациям отдельных фрагментов сборника, предпринимавшихся в разное время К.Х. Турнером, О. Гентером, Э. Шварцем, Ж. Ван дер Спеетеном и М. Петолетти. Рукопись сопоставляется в диссертации с прочими списками памятника, уже введенными в научный оборот и имеющими подробное кодикологическое и палеографическое описание. На основании сопоставления списков памятника обосновывается новая гипотеза его распространения и строится опубликованная в монографии рукописная стемма.⁷ При помощи текстологического и палеографического сопоставления, а также анализа системы инципитов и рубрикации списка в диссертации впервые воссоздается критический текст старейшего фонда документов, формировавших «*Collectio Quesnelliana*». Эти документы образовывали в середине IV в. «*Codex Vetus Romanus*».

Кроме того в диссертации впервые предпринята попытка восстановления полного текста первой книги «Собрания канонов» Ансельма Луканского в редакции Барберини (Ватиканский кодекс 535 и его апограф – Парижский кодекс 12450).

В результате проведенного исследования получены принципиально новые выводы относительно кодификации канонического права:

- определены динамика и география распространения церковно-юридических сборников с IV по XI вв.,

⁷ Митрофанов А.Ю. Церковное право и его кодификация в период раннего средневековья (IV-XI вв.) СПб., 2010, с. 339.

- освещена степень влияния римского императорского законодательства на каноническое право в менявшихся исторических реалиях раннего средневековья,
- подвергнуто системному анализу содержание и система инципитов церковно-юридических сборников римского происхождения в сравнении с византийским «Номоканоном»,
- предпринято описание источников канонического права раннего средневековья,
- подготовлен критический текст важнейших церковно-юридических документов, выявляющих генезис теории вселенского примата Римского епископа в раннее средневековье,
- выявлены уровень и характер правоприменительной практики, проистекавшей из норм канонического права, в литургической жизни и в системе администрации.

Теоретическое значение диссертации. Исторические выводы и принципы методологии, содержащиеся в диссертации, могут применяться в изучении истории христианской церкви и ее институтов, истории средневекового права, истории средних веков и истории Византии. Материалы и выводы диссертации способствуют созданию научно-исследовательской базы, необходимой для дальнейшего ввода в научный оборот и всестороннего изучения памятников канонического права и церковно-юридической литературы в широком контексте общественно-политической истории раннего средневековья. Исследования в области текстологии источников, предпринятые в диссертации, в частности установленный критический текст ряда документов могут представлять также интерес для филологов, занимающихся историей латинского языка и латинской юридической литературы в средневековую эпоху. Исследованная в диссертации проблематика подчеркивает определяющее значение христианства в формировании европейской культуры и цивилизации в средние века.

Практическая ценность исследования.

Основные методы и выводы диссертации могут быть использованы при написании исследований обобщающего характера по истории средних веков и по истории христианства, при разработке научно-практических и учебных пособий по истории средневекового права, при подготовке соответствующих лекционных курсов, при систематизации церковного законодательства и разработке современного кодекса канонов Православной церкви. Результаты исследования применялись автором в лекционных и специальных курсах по истории христианской церкви, истории средних веков, средневековой философии и общественно-политической мысли, читавшихся на историческом факультете Санкт-Петербургского Государственного Университета с 2007 г. по настоящее время, в курсах по истории церковного

права, читавшихся в Санкт-Петербургской Духовной Академии с 2010 г. по настоящее время, в Санкт-Петербургской Академии Постдипломного Педагогического образования в 2005-2006 г., в курсах по истории древней церкви, прочитанных в Санкт-Петербургском Православном народном университете в 2006-2008 гг., в радиолекциях, прочитанных на базе радиостанции Санкт-Петербургской метрополии «Град Петров» в 2003-2004 гг.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации были отражены в двух монографиях и 26 научных публикациях. Отдельные главы и разделы диссертации проходили обсуждение на заседаниях кафедры истории средних веков исторического факультета Санкт-Петербургского Государственного Университета, на заседаниях византийской группы Санкт-Петербургского Института Истории Российской Академии Наук, в научных семинарах, организованных факультетом философии и филологии Лувенского Католического Университета (Louvain-la-Neuve, Бельгия), в специальных семинарах, организованных в рамках Киевского летнего Богословского Института (Лишня) (2009) и Минского летнего Богословского Института (2007-2008), на международной научной конференции «В поисках утраченной Византии» (Великий Новгород- 2007), организованной на базе Новгородского Государственного Университета имени Ярослава Мудрого, на ежегодной международной научной конференции «Богословские чтения», организованной на базе Православного Свято-Тихоновского Гуманитарного Университета (Москва- 2007), на международной научной конференции «Успенские чтения», проходившей на базе Киево-Могилянской Академии (Киев- 2008), на ежегодной научно-практической конференции «Semaine d'études liturgiques», организованной Свято-Сергиевским Богословским Институтом в Париже (2009), на ежегодной международной научно-практической конференции «Амвросианские чтения» (Милан- 2009), на всероссийских и региональных конференциях и симпозиумах.

Структура работы.

Диссертация состоит из введения, десяти глав, заключения, двух приложений, представляющих собой критическую публикацию корпуса раннесредневековых церковно-юридических документов, перечня использованных источников и историографических исследований.

Содержание работы

Во **«Введении»** обосновывается необходимость изучения избранной темы, выдвигаются исходные предпосылки исследования, формулируются его цель и задачи, определяются его географические и хронологические рамки, характеризуются соответствующие методологические подходы. Рассматривая генезис отношений христианской церкви и позднеримского

государства в IV-V вв., характеризуется юридическое содержание юстиниановской теории «симфонии» священства и царства и выявляется ее происхождение.

Глава первая: Церковно-юридическая (каноническая) литература «до псевдо-исидоровского» периода и динамика ее развития (IV-VIII) вв.

Данная глава представляет собой исследование источниковой базы диссертации. В ней содержится подробный анализ возникновения и последующей трансформации юридических памятников, которые легли в основу корпуса канонического права христианской церкви в раннее средневековье. Эти памятники в значительной степени сохраняют свое важное значение, как для Православной церкви, так и для Римско-Католической церкви до сего дня. Среди рассматриваемых церковно-юридических сборников следует упомянуть: «Антиохийскую Синтагму», «Испанское Собрание» св. Исидора Севильского, «Codex Vetus romanus», «Квеснеллово Собрание», «Кодекс канонов Африканской церкви» и т.д. При этом дополнительным образом характеризуются акты соборов и постановления различных субъектов права (Римских епископов, отцов церкви, римских и византийских императоров), которые оказывали влияние на последующую эволюцию систематических сборников канонического права: византийских «Номоканонов», «Псевдо-Исидорова Собрания» и «Армянской книги канонов».

Процесс формирования единого корпуса канонического права протекал достаточно сложно, что было в значительной степени обусловлено богатством местных традиций христианских общин и местной спецификой их существования. Никомедийский и Медиоланский эдикты римской государственной власти, даровавшие церкви права законно существующей религиозной коллегии, открыли для христианских общин широкие миссионерские и организационные перспективы. Утверждение монархического епископата на рубеже I-II вв. (св. Игнатий антиохийский), тенденции к введению единообразия в столь важных вопросах, как дата празднования Пасхи или отношение к крещению еретиков в III в. свидетельствовали о интенсивном развитии церковных институций уже в условиях гонений. К середине III в. клир Римской церкви насчитывал одного епископа, 44 пресвитера, 7 диаконов, 7 иподиаконов, 42 аколуга, 52 экзорциста (Ж. Годме). Учитывая известное значение коллегии пресвитеров Александрийской церкви, члены которой обладали исключительными правами избрания епископа (А.В. Карташев), можно предполагать, что число клириков местной христианской общины было не многим меньше. Влияние римской сенатской процедуры на регламент заседаний церковных соборов, заимствование соборами таких процедурных деталей, как *conuocatio senatus*, *relatio*, *interrogatio*, *sententia* (Ф. Дворник, А.Е. Мусин), свидетельствует о существовании высокого уровня правовой культуры в христианских общинах еще в период гонений. Легализация христианской церкви и последующая

покровительственная политика императорской власти по отношению к ней стимулировали адаптацию институтов и учреждений римского права в выработывавшемся каноническом праве. Этому способствовало и динамичное увеличение численности христиан, не насчитывавших к 313г. и 25% населения Римской империи (А.А. Васильев). К моменту созыва Никейского собора 325 г. во многих местных христианских общинах существовали собственные сборники, фиксирующие дисциплинарные, нравственные нормы и местные литургические обычаи. Примером таких сборников служат, как памятники «смешанного» типа, соединяющие в себе правила совершения литургии и нормы церковной дисциплины (их составление чаще всего приписывалось апостолам и даже Иисусу Христу), так и правила определенных церковных соборов, более однородных по содержанию. Среди памятников первой категории следует упомянуть: «Ἀποστολικὴ παράδοσις» св. Ипполита Римского, «Testamentum Domini nostri Iesu Christi», «Апостольские постановления», «Апостольские правила». Ко второй категории памятников необходимо отнести: кодекс правил испанских христианских общин, приписанных Эльвирскому собору (ок. 305 г.), свод правил I Арльского собора (314 г.), ставших основой церковной дисциплины галльских церквей, свод правил малоазийских общин, приписанных традицией Лаодикийскому собору (не поддается датировке), наконец, свод правил целого ряда соборов Малой Азии, который стал в конечном итоге фундаментом церковного строя всей христианской церкви, претерпев вселенскую рецепцию к началу V столетия. В этот малоазийский свод церковных правил, иногда условно называемый «понтийским» первоначально входили каноны Анкирского собора 314 г., Кесарийско-Каппадокийского собора 314 г., Неокесарийского собора 314/319 г. Позднее уже после Никейского собора 325 г., объединившего, как известно, весь имперский епископат, в состав «малоазийского» или «понтийского» сборника были добавлены каноны Антиохийского собора 341 г. и Гангрского собора 343 г., (В. Цыпин). После того, как сборник был утвержден Антиохийским епископом Мелетием в конце 340-х гг., он приобрел наименование «Антиохийской Синтагмы». Во второй половине IV столетия (ориентировочно после 379 г.) «Антиохийская Синтагма» была переведена в Италии на латинский язык (редакция Ингильрама) и прибавлена к Codex Vetus romanus – каноническому сборнику Римской церкви. Этот сборник был образован в понтификат папы Юлия (340-е гг.) из латинского перевода правил Никейского собора (редакция isidoriana antiqua) и прибавленных к ним канонов Сердикского собора 343 г. (К.Х. Турнер, Э. Шварц). Тогда же к кодексу добавили свод правил Лаодикийского собора в латинском переводе.

В конце IV в. «Антиохийская Синтагма» стала объектом рецепции в Константинопольской церкви. Несмотря на то, что история древнейших сборников канонического права Константинопольской церкви, по мнению А. Куса и А. Штиклера, «окутана пеленой мрака», свидетельства Палладия, митрополита Еленопонтийского и Валериана, митрополита Ликаонийского,

позволяют говорить о дополнении «Синтагмы» уже в Константинополе правилами Константинопольского собора 381 г. (правила Никейского и Сердикского соборов уже были присоединены к «Синтагме» Римскими епископами). В начале V столетия к кодексу канонов Римской церкви прибавился сборник правил Карфагенской церкви, известный под наименованием «Гиппонского бревиария». В 419 г. правила «Константинопольской Синтагмы» были переведены на латинский язык (редакции Цецилиана и Аттика) по просьбе Карфагенского епископа Аврелия, стремившегося подчеркнуть каноническую независимость североафриканских христианских общин от Рима (Й. Ван Дер Спеетен). Спустя некоторое время большая часть «Синтагмы» вместе с постановлениями Эфесского и Халкидонского соборов 451 г. была вновь переведена на латинский язык в Италии (редакция *grisca*). Архив Римской церкви, организованный еще в понтификат Дамаса (Ш. Пьетри), регулярно расширялся также за счет издававшихся с 380-х гг. декретов Римских епископов, адресованных различным христианским епископам. В итоге папа Геласий провел в конце V в. ревизию архива и обобщил наиболее важные для повседневного использования в рамках «Квеснеллова Соборания» (П. Квеснелл, К.Х. Турнер, О. Гентер). В Константинополе «Синтагма» была расширена в середине V в. благодаря правилам Эфесского и Халкидонского соборов, к ней были присоединены апостольские правила. Именно этот вариант «Синтагмы» стал основой для рецепции восточно-христианского права, предпринятой в VI в. Дионисием Малым по поручению преемников Геласия. «Геласиевское» правовое возрождение ознаменовало собой централизацию церковного управления и его систематизацию в условиях варварского нашествия на Западе и монофизитской смуты на Востоке («Акакиевская» схизма между Римом и Константинополем длилась несколько десятилетий). В Византии тем временем на базе «Синтагмы» и императорских церковных законов из 16-й книги «Кодекса Феодосия» был создан первый систематический сборник канонического права – не дошедший до нас «Номоканон LX титулов» (К.Е. Цахариэ фон Лингенталь, Д. Азаревич, В.А. Нарбеков).

В середине и второй половине VI в. фиксируется активное формирование местных канонических сборников в вестготской Испании и франкской Галлии. Постановления местных церковных соборов в этих сборниках сочетались с декретами Римских епископов, правилами «Синтагмы» в различных латинских переводах, а также с правилами африканских соборов из «Кодекса канонов Африканской церкви», созданного в 419 г. Среди поместных соборов Испании и Галлии важнейшим значением для церковной дисциплины обладали правила Сарагосского собора 380 г., Туринского собора 398 г. I Толедского собора 400 г., Риецкого собора 439 г., I Оранжевого собора 441 г., II Арльского собора, Агдского собора 506 г., I Орлеанского собора 511 г. II Толедского собора 515 г., III Толедского собора 589 г. и других. На развитие канонического права в

Галлии серьезное влияние оказывали римские сборники Дионисия Малого. Итогом плодотворного развития канонического права и собирания церковно-юридических источников стало составление св. Исидором Севильским «Испанского Собрания», ставшего самым полным каноническим кодексом своего времени (VII в.), (У. Домингес дель Валь, Т. Гонсалес).

На фоне накопления источников канонического права, происходившего на латинском Западе после варварского завоевания Галлии, Испании, Африки и Италии, в Восточной Римской империи начались юридические реформы императора Юстиниана. Эти реформы преследовали цель систематизировать и разъяснить нормы римского права. В результате создания второй редакции «Кодекса Юстиниана» императорское церковное законодательство было сосредоточено в первой книге сборника. Затем Юстиниан существенным образом расширил и дополнил это законодательство в Новеллах, среди которых важнейшим значением для церковных дел обладали: VI-я, CXXIII-я, CXXXVII-я и ряд других. Импульс правовых реформ, данный Юстинианом, повлиял на церковную рецепцию «Синтагмы» и ее расширение. Усилиями патриарха Иоанна Схоластика «Кодекс канонов Африканской церкви» был переведен на греческий язык и рекомендован в качестве дополнения к «Синтагме» при приоритетном значении последней. К самой «Синтагме» были прибавлены правила св. Василия великого и некоторые другие каноны отцов восточной церкви. К концу VI в. в Византии появилось сразу несколько сборников канонического права, среди которых «Синагога Иоанна Схоластика» и более поздний «Номоканон L титулов» представляли собой систематические церковно-юридические кодексы, опиравшиеся на «Синтагму», в то время как «Собрание LXXXVII глав», приписанное Иоанну Схоластику, и «Собрание XXV глав», составленное в правление Тиберия II, содержали эксерпты императорских законов в отношении церкви, заимствованные из греческих редакций законов «Кодекса Юстиниана» и Новелл Юстиниана. В следующем VII столетии при императоре Ираклии был создан новый «Номоканон XIV титулов» (620-е гг.), автором которого мог быть, по мнению, выказанному В.А. Нарбековым, Аноним Энантиофан. В качестве светского добавления к нему спустя два десятилетия было сформировано «Трехчастное Собрание». В дальнейшем «Номоканон XIV титулов» претерпел целый ряд редакторских правок, подробно изученных В.Н. Бенешевичем. Важнейшей из редакторских правок, сделанных до IX в., следует признать правку Трулльского собора 692 г., утвердившего окончательный состав «Синтагмы» и добавившего к ней 102 правила, в известной степени суммировавших нормы внутренней дисциплины и литургические традиции Великой церкви (Ж. Питра, С.Н. Троянос).

Римская церковь в VI в. обладала «Собранием Дионисия Малого» в качестве основного правового кодекса. Этот кодекс, постоянно пополнявшийся вплоть до конца VIII в., заменил собой геласиевское «Квеснеллово Собрание» и содержал новый латинский перевод греческой

«Синтагмы» вместе с декретами Римских епископов, не вошедших в «Квеснеллово Собрание». Документы папского архива, проливавшие свет на отношения церкви и Римской империи в IV-V вв., обрели новую степень актуальности в связи с завоеванием византийцами остготской Италии. Эти документы были собраны в рамках «Авелланова Собрания» (*Collectio Auellana*), (О. Гентер).

Греческая «Синтагма» подверглась рецепции на восточной периферии Римской империи еще в первой половине V в., образовав значительную часть «Армянской книги канонов» (Аштишатский собор 435 г., Шахапиванский собор 444 г.), (В. Акопян, С. Аревшатян).

Глава вторая: Научная традиция изучения церковно-юридической литературы раннего средневековья.

Данная глава посвящена подробному рассмотрению и анализу историографии, связанной с изучением памятников канонического права. Историографическая традиция критического изучения церковно-юридических памятников берет свое начало в трудах гуманистов Николая Кузанского и Лоренцо Валлы, подвергших критике подлинность пресловутого «Константинова дара» и всего корпуса «псевдо-исидоровых декреталий». Эта традиция затем плодотворно развивалась в эпоху Реформации и Контрреформации в контексте архивных исследований и антикварного дискурса в трудах эрудитов: Ж. Мерлена, П. Краббе, Г. Гервета, Г. Агилея, Ж. Сирмонда, Ц. Барония, А. Агостино, Ф. Лаббе, Х. Жюстелля, Д. Блонделя, В. Бевереджа, П. Квеснелла, П. и Дж. Баллерини, Л. Муратори. Если Ж. Мерлен, П. Краббе, Ж. Сирмонд, Ф. Лаббе занимались исследованием канонических актов и деяний древних церковных соборов, преимущественно латинских, то Г. Гервет, Г. Агилей, Х. Жюстелль и В. Бевередж посвятили свои труды введению в научный оборот, изданию и историко-юридическому анализу памятников права восточной церкви: «Синтагмы» и «Номоканона». Ц. Бароний стал подлинным отцом-основателем церковной историографии, создав в конце XVI в. многотомные «Церковные анналы». Многие документы, приведенные или пересказанные Ц. Баронием, ныне утрачены. Во многом именно поэтому его труд сохраняет свое научное значение до сего дня. А. Агостино, П. Квеснелл, братья Баллерини, Л. Муратори знамениты своими архивными изысканиями и публикациями древних латинских церковно-юридических сборников. П. де Марка и Э. Балюз занимались изучением истории правовых идей сквозь призму средневекового канонического права. Критическая методология применялась учеными XVI-XVIII вв. постепенно по мере развития архивных и текстологических навыков исторического исследования. Кроме того, ученые изыскания эрудитов были сильно ангажированы и связаны межконфессиональной полемикой, сопровождавшей религиозные войны,

более ста лет собиравшие кровавую жатву на европейском континенте (с 1547 по 1648 гг.).

В XIX в. жестокое крушение идеалов эпохи «Просвещения», тяжелые социальные потрясения, сопровождавшие революционные события во Франции и наполеоновские войны, стимулировали широкий общественный интерес к историческому христианскому прошлому Европы. Поэты и писатели, созидавшие культуру «Романтизма»: Ф. Шиллер, В. Скотт, Ф. де Шатобриан, В.А. Жуковский воспевали средневековье и свойственные ему исторические реалии. Созданный в 1819 г. Институт «*Monumenta Germaniae Historica*» способствовал своей деятельностью совершенствованию методов критики источников и исторического исследования. Уже через несколько десятилетий труды К. Гефеле, Л. Дюшена, Э. Бабюта, К. Х. Турнера, Э. Шварца ознаменовали собой подлинный расцвет историко-правового направления в изучении прошлого христианской церкви. Это направление стало знаковым для развития медиевистики на рубеже XIX-XX вв. Многотомные «История соборов» К. Гефеле и «Древняя история церкви» Л. Дюшена остаются непревзойденными шедеврами церковной историографии эпохи позитивизма. Именно Л. Дюшен подготовил сохраняющее свою научную ценность критическое издание «*Liber Pontificalis*» – главного источника по истории папства в раннее средневековье. Ученик Л. Дюшена К.Х. Турнер, профессор библейской экзегетики Оксфордского Университета, в юности унаследовавший подлинную любовь к христианским древностям от своей матери, осуществил колоссальный источниковедческий труд. Он предпринял исследование и критическое издание всех установленных наукой латинских редакций и переводов корпуса канонического права древней церкви IV-V вв. Многотомное критическое издание К.Х. Турнера, известное под наименованием «Древнейшие памятники права Западной церкви» (*Ecclesiae Occidentalis Monumenta iuris antiquissima*) выходило на протяжении всей жизни ученого и даже после его кончины (1899-1939). В предисловии к одному из томов своего издания профессор особым образом благодарил сотрудников Императорской Публичной Библиотеки, которые выслали ученому древний латинский кодекс VII столетия из Санкт-Петербургского рукописного фонда. Этот кодекс содержал «Лионское Собрание» канонов и часть «Собрания Дионисия Малого» (*Cod. Petropolitanus F II 3*). «В начале я подозревал, – писал К. Х. Турнер, – что кодекс F II 3 может быть ничем иным, как частью Лионского кодекса, упоминавшегося Жаком Сирмондом, последующая часть которого была привезена в Берлинскую королевскую библиотеку среди кодексов Томаса Филиппса Хельтенхейма. Когда же стало ясно, что Петербургские листы содержат Дионисиевский сборник соборов и что ни в одном столь древнем кодексе не существует его полной редакции, я воспользовался особой любезностью тех, кто руководит Императорской Библиотекой, дабы драгоценный кодекс был отправлен в Бодлиенскую Библиотеку (Оксфорда – А.М.) не взирая на его ветхое состояние, не взирая

на длительность пути, и хранился там пять месяцев в моем распоряжении».⁸ Ученик К.Х. Турнера, немецкий исследователь Э. Шварц продолжил работу учителя, подготовив многотомное критическое издание «Актов вселенских соборов». Накануне первой Мировой войны австрийский профессор Фр. Танер предпринял по поручению научного «Института Савиньи» критическое издание ранее не публиковавшегося текста «Собрания канонов» Ансельма Луканского, к сожалению оставшееся не завершенным. Традиции и источниковедческие методы, заложенные упомянутыми учеными, получили свое органическое продолжение во второй половине XX в. в связи с исследованиями Ш. Мунье, Й. Ван дер Спеетена, Ж. Бернхарда, Ж. Франсена, А. Сцуроми, К. Кашинг, Дж. Мотта, М. Петолетти, К.Г. Шена, К. Цехиль-Экеса. Если Ш. Мунье, Й. Ван дер Спеетен, М. Петолетти рассматривали латинские канонические памятники позднеантичной эпохи (акты церковных соборов Галлии и северной Африки, материалы Римского папского архива до-геласиевского времени), то Ж. Бернхард, Ж. Франсен, А. Сцуроми, К. Кашинг, Дж. Мотта и К. Цехиль-Экес изучали латинские канонические сборники времен борьбы за инвеституру. К.Г. Шен совместно с К. Цехиль-Экесом готовит в настоящее время масштабный проект цифрового критического издания всех известных редакций «Псевдо-Исидорова Собрания» в сети интернет. В отличие от вышеупомянутых исследователей-источниковедов Ж. Годме, Б. Бадеван-Годме, Ж. Дагрон, Дж. Каталано посвятили свои труды изучению социально-политического и культурного влияния и значения правовых идей связанных с историей и эволюцией канонического права.

Источники канонического права восточной церкви стали в XIX-XX вв. объектом критического исследования в трудах кардинала Ж. Питра, В.Н. Бенешевича, В.А. Нарбекова, А.С. Павлова, П. Иоанну и С.Н. Трояноса. Если Ж. Питра и В.Н. Бенешевич посвятили себя изучению рукописей «Номоканона XIV титулов» и канонических сборников Иоанна Схоластика, В.А. Нарбеков рассматривал «Номоканона XIV титулов» и комментарии к нему Феодора Вальсамона в контексте истории и эволюции норм греко-римского права. Именно В.А. Нарбеков предпринял полный перевод «Номоканона XIV титулов» и комментариев Вальсамона на «Номоканон» на русский язык, чем оказал неоценимую практическую услугу Православной Российской церкви в канун начала работы Предсоборного присутствия. П.Иоанну, профессор Мюнхенского университета, предпринял полное издание византийской «Синтагмы» канонов с параллельным латинским и французским переводами. При этом ученый во многом опирался на труды В.Н. Бенешевича. С. Н. Троянос исследовал правила Трулльского собора 692 г. и теоретические проблемы греко-римского права.

В современной отечественной историографии пальма первенства в изучении канонического права восточной христианской церкви принадлежит

⁸ Turner C. *Ecclesiae Occidentalis monumenta iuris antiquissima*, Oxonii, I, II, 1904, P. V.

исследователям византинистам и медиевистам: И.С. Чичурову, Г.Л. Курбатову, И.П. Медведеву, Г.Е. Лебедевой, Я.Н. Щапову и А.Е. Мусину. Для упомянутых ученых характерен комплексный социо-культурный подход к изучению права восточной христианской церкви. Если в трудах И.С. Чичурова и Я.Н. Щапова преобладают источниковедческие методы, в работах Г.Л. Курбатова и И.П. Медведева доминируют историко-юридический и историко-культурологический методы исследования. Особое место в отечественной историографии занимают работы Г.Е. Лебедевой по истории ранневизантийского общества и работы А.Е. Мусина по истории христианства на основе историко-археологических материалов средневековой Руси. В этих работах историко-юридический метод изучения канонического права сочетается с «цивилизационным подходом». Подобный подход предполагает рассмотрение норм и источников права сквозь призму социального и археологического контекста повседневной жизни изучаемой эпохи.

Третья глава «Развитие идеи первенства Римского епископа в ранневизантийскую эпоху и «геласиевская» эkkлесиология».

Глава представляет собой исследование генезиса доктрины примата Римского епископа в IV-V вв. Выводы главы, основанные на сопоставлении широкого круга правовых источников: церковно-юридических сборников, декретов Римских епископов, писем различных церковных иерархов позволяют сделать вывод о становлении папского примата на латинском Западе в указанную эпоху. Если представители историографии, связанной с научной традицией католических университетов, в частности П. Баттифоль, П. Иоанну, А. Штиклер традиционно подчеркивали неизменность существования примата Римского епископа, С. Троянос, В. Фидас, Ж.Ф. Колосимо, Н.В. Лосский связывали примат Римского епископа с почетным местом папы в диптихе, получившим санкцию римской императорской власти на Никейском соборе 325 г. и на Константинопольском соборе 381 г. Обе интерпретации проблемы, как пророманская, так и антироманская, грешат, по нашему мнению, узостью взгляда на канонические документы, как на автоматические ретрансляторы догматического сознания церкви.

Исследования Ш. Пьетри и Б. Бадеван-Годме, в которых проблема существования папского примата в поздней античности рассматривается в контексте социо-культурных реалий эпохи, способствуют независимому восприятию проблемы папского примата. Анализ церковно-юридических документов IV-V обнаруживает реальность существования примата Римского епископа, который признавался на латинском Западе не только в качестве первенства чести, но и в качестве верховного морального и судебного авторитета. Впрочем, попытки западного епископата навязать подобное восприятие восточному на Сердикском соборе 343 г. в целом нельзя признать удачными. Хотя 4 и 5 правила Сердикского собора гарантировали Римскому епископу права третейского судьи, они не предполагали, что папа сможет

налагать на своих братьев по епископату обязательства, непререкаемые к исполнению. Поэтому каноны Сердикского собора обходились многими латинскими канонистами в период окончательного торжества идеи папского примата в западной христианской церкви (Б. Бадеван-Годме). Восточные иерархи при поддержке императорской власти недвусмысленно противопоставили Риму и его экклесиологии возвышавшуюся Константинопольскую кафедру (28-е правило Халкидонского собора). Теория пентархии (6-е правило Никейского собора, 3-е правило Константинопольского собора, 28-е правило Халкидонского собора, впоследствии 36-е правило Трулльского собора) и папская экклесиология (*Decretum Gelasianum*) плохо сочетались друг с другом, хотя Римские епископы были вынуждены формально признавать учение о пентархии в той степени, в какой они зависели от Византии (протопресвитер Иоанн Майендорф). Западные христианские общины поддерживали идею верховного авторитета Римского епископа достаточно последовательно. Наиболее очевидным образом эта идея проявила себя в Испании, епископам которой адресовал свой первый дисциплинарный декрет папа Сириций. В Галлии церковные иерархи также признавали авторитет Римского папы как преемника апостола Петра очень рано, хотя реальные правовые последствия этого авторитета в галльской церковной жизни проявили себя уже в период германского нашествия в V в. В то же время карфагенская христианская община в лице епископа Аврелия и его преемников продолжала оказывать авторитету Римского папы упорное каноническое сопротивление. Это сопротивление в итоге выразилось в принятии Карфагенским собором 424 г. особого канона, который долгое время не был опубликован и введен в научный оборот. Если известный исследователям канон Карфагенского собора 418 г. воспрещал африканским епископам «апеллировать за море», изданное III. Мунье постановление собора 424 г., обнаруженное в Палатинском кодексе 574 из собрания Ватиканской Апостольской Библиотеки Fol. 118 v. – 119 г. запрещало епископам «апеллировать к римской церкви» (*Vt nullus ad romanam ecclesiam audeat appellare*). Проблема становления папского примата и споров относительно пентархии может быть разрешена лишь при адекватном понимании того богословского и канонического содержания, которое вкладывали в упомянутые концепции участники соборных дискуссий IV-V вв.

Четвертая глава «Папа Геласий (492-496) и проблема рецепции римского церковного права».

В данной главе исследуются причины «геласиевского возрождения» правовой культуры и предпосылки создания «Квеснеллова Собрания», в составе которого до современных исследователей дошел «*Codex Vetus Romanus*». Раскол между Римом и Константинополем, получивший наименование «Акакиевской схизмы», стимулировал автономное развитие права и институтов Римской церкви. В жестком противостоянии папы

Геласия Константинополю целый ряд исследователей усматривал не столько стремление защитить христианский Запад от монофизитства, сколько демонстрацию супрематии Римского апостольского престола и его политической автономии от Византии (В. Ульманн, протопресвитер Иоанн Майендорф). Данный вывод подтверждается известным посланием Геласия византийскому императору Анастасию, которое впоследствии подверглось широкой рецепции в церковно-юридической литературе времен григорианской реформы. Анализ древнейших редакций «Liber Pontificalis» обнаруживает упоминания о составлении Геласием неких антимонофизитских и антинесторианских кодексов, впоследствии утраченных (Л. Дюшен). Структурный анализ писем Геласия не позволяет идентифицировать указанные произведения с каким-либо конкретным декретом. Только «Квеснеллово Собрание», объединявшее документы архива Римской церкви, может претендовать на подобное полемическое значение. Исследование актов Римских соборов Геласия, содержащихся в «Авеллановом Собрании», позволяет сделать вывод о том, что в 495 г. в распоряжении Римского епископа уже был полный кодекс канонического права, использованный для судебного процесса над Мисеном, епископом Кум. Результаты сравнительно-исторического анализа позволяют идентифицировать этот кодекс с «Квеснелловым Собранием».

Пятая глава «Древнейшие сборники церковного права в ранневизантийскую эпоху и «Квеснеллово Собрание»».

Указанная глава посвящена исследованию рукописной традиции «Квеснеллова Собрания», внутренней и внешней критике указанного церковно-юридического сборника. Данный сборник, обнаруженный и опубликованный по двум поздним спискам П. Квеснеллом в 1675 г., долгое время приписывался папе Льву Великому. Спустя век братья Пьетро и Джироламо Баллерини подвергли критике точку зрения П. Квеснелла, ссылаясь на исключительно франкское происхождение всех известных рукописных редакций памятника, верхняя датировка которых ограничивается каролингской эпохой. Позднее, Ф. Маасен, Л. Дюшен и отчасти К.Х. Турнер, впервые сопоставивший древнейшие списки памятника, подтверждали концепцию Баллерини. К.Х.Турнер справедливо распределял списки памятника по двум рукописным семьям, установив по маргиналии его ранний утраченный архетип, созданный в 600-603 гг. Однако детальная внутренняя критика сборника, текстологический анализ системы инципитов и интерполяций заставляет признать частичную правоту П. Квеснелла и датировать памятник эпохой папы Геласия, подтвердив его римское происхождение. Сравнительный текстологический, палеографический и кодикологический анализы списков памятника: Аррасского кодекса 644 из библиотеки аббатства святого Вааста – копии утраченного архетипа 600-603 гг., датируемой концом VIII столетия, Айнзидельнского кодекса 191 из библиотеки кинонии Святой Марии Отшельников, созданного на рубеже

VIII-IX вв. для придворной библиотеки Карла Великого, Парижского кодекса 1454 и ряда других позволяет создать генеалогическую стемму памятника, очертить географические границы и хронологические рамки его распространения, подготовить критический текст старейшего фонда документов, собранных в сборнике. На основании исследования списков сборника выделяются пять основных редакций. Если древнейшая римская «альфа» редакция «Квеснеллова Собрания» была создана в Риме около 494-495 гг., производная реконструируемая по заглавному инципиту редакция «бета» возникла в результате трансляции сборника предположительно в нарбоннской Галлии в первой половине VI в. В дальнейшем около 600-603 гг. памятник оказался в Нейстрии (или Англии) благодаря редакции «гамма», и вероятно позднее в верховьях Рейна (Лорш) благодаря редакции «дельта». Указанные редакции стали основой для всех известных списков, распространявшихся по монастырским скрипториям Англии, Нейстрии, Лотарингии, Иль де Франса, Фландрии, Брабанта, земель Верхнего Рейнланда и Ломбардии с 600-603 гг. по XVI в.

Шестая глава «Динамика церковно-государственных отношений в IV-V вв. и их значение для «геласиевского возрождения»».

Данная глава посвящена анализу протекционистской политики позднеримской государственной власти по отношению к христианской церкви, ее значению для развития канонического права и его кодификации. Медиоланский эдикт 313 г. даровал христианской церкви права легальной религиозной коллегии. Последующая законодательная политика императорской власти во многом стимулировала как внутреннее развитие церковных институтов, так и адаптацию этими институтами норм и учреждений римского права (Ж. Годме, Г.Л. Курбатов, Г.Е. Лебедева). В результате патронажной политики позднеримского государства христианский епископат активно интегрировался в структуру позднеримского общества, будучи вынужден в некоторых регионах (Италия, Транспаданская и Циспаданская Галлия, Сирмий) активно вмешиваться в дела муниципального управления (Д. Клауде, Р. Лицци Теста). Восточная половина империи характеризовалась более прочными полисными традициями, которые уцелели даже в V в. В восточных провинциях епископское управление городом, типичное для западных районов империи, было скорее явлением исключительным (А. Хольвег). Римская государственная власть проводила на Востоке империи амбивалентную политику укрепления полисного самоуправления, с одной стороны запрещая выход из сословия куриалов и армейских чинов (Г.Е. Лебедева), с другой стороны наделяя епископов светскими судебными функциями (К. Буенакасперес, А. Джонс). Законодательная политика римской императорской власти, отразившаяся в 16-й книге «Кодекса Феодосия» и в «сирмондиевых постановлениях» стала основой для рецепции римского

права в раннее средневековье как в Восточно-Римской империи («Кодекс Юстиниана» *rescriptus*), так и в вестготской Испании («Бревиарий Алариха»).

Седьмая глава «Влияние «геласиевского возрождения» на эволюцию римского церковного права».

Данная глава представляет собой исследование и анализ истории и кодификации канонического права на латинском Западе, преимущественно в Италии, Галлии и Испании в период, последовавший вслед за реформами Дионисия Малого, но предшествовавший составлению «Псевдо-Исидоровых декреталий». Составление «Испанского Собрания», созданного в вестготском королевстве по преданию самим Исидором Севильским, ознаменовало собой завершение полной кодификации канонического права на латинском Западе (У. Домингес дель Валь, Т. Гонсалес). Последующая рецепция дополненных редакций «Испанского Собрания» в землях франкского королевства лишь повышало его авторитетность. Создание в 849-852 гг. монахами Корби «псевдо-исидоровых декреталий» как реакция на антиимператорский «заговор епископов» стимулировало объединение нового кодекса с позднейшими редакциями «Испанского собрания». Так родилось «Псевдо-Исидорово Собрание», подвергшееся рецепции Римом в понтификат Николая I. Именно этот сборник предопределил дальнейшее развитие церковно-юридических компиляций на латинском Западе на следующем этапе становления канонического права, связанного с деятельностью «декретистов» XI в. (К.Г. Шен, К. Цехиль-Экес).

Восьмая глава «Итоги кодификации церковного права в постисидоровский период: «Собрание канонов» Ансельма Луканского».

Указанная глава посвящена исследованию рукописной традиции «Собрания канонов» Ансельма Луканского, ставшего главным юридическим источником для составления прославленного Декрета Грациана в XII в. нужно отметить, что до сего дня не существует полного критического издания памятника, в то время как издание Фр. Танера, выходящее в свет в 1906-1915 гг. в значительной степени устарело и не отражает полный текст памятника. «Собрание канонов» Ансельма Луканского стало юридическим манифестом григорианской реформы, в котором каноническое право интерпретировалось в духе «папского диктата» Григория VII. В известном смысле памятник завершал собой труд составителей предшествующих церковно-юридических компиляций, авторы которых преследовали цель оправдания доктрины универсальной папской юрисдикции (Собрание в 74 титулах, Собрание кардинала Деуседита и др.). Структура памятника не отличается однородностью, что заставило ряд исследователей поставить под сомнение его атрибуцию (Ж. Франсен, Э. Пастор). В последнее время «Собрание канонов» Ансельма Луканского стало наиболее привлекательным для исследования церковно-юридическим сборником времен борьбы за инвеституру благодаря работам Э. Пастор, П. Ландау, К. Кашинг, А.

Сцуроми, Дж. Мотта и К. Цехиль-Экеса. Анализ многочисленных рукописных редакций памятника (около девяти), созданных в 1086-1130-х гг. приводит к выводу о том, что исходная форма сборника, авторство которой принадлежало самому Ансельму, возможно, содержится в редакции Барберини, известной по Ватиканскому кодексу 535 и его апографам – Парижскому кодексу 12450 и Лейпцигскому кодексу 3528.

Девятая глава «Формирование византийского «кодекса канонов» в свете истории».

Данная глава посвящена исследованию генезиса византийских церковно-юридических сборников, результатом которого стало рождение «Номоканона XIV титулов». Основной вывод главы о параллельной эволюции «Номоканона», как собственного церковного кодекса права, и специальных сборников императорских законов в отношении церкви, способствует разрешению проблемы взаимодействия канонического и императорского права в Византийской империи. Данная проблема может рассматриваться как ключевая для истории греко-римского права в целом (К. Цахариэ фон Лингенталь, Ж. Питра, Н.С. Суворов, И.П. Медведев). Происхождение «Номоканона XIV титулов» и позднейших дополнений к нему, всесторонне исследованное в трудах В.Н. Бенешевича и В.А. Нарбекова, подтверждает первенствующее значение «Трехчастного собрания», оставшегося долгое время основным гражданским дополнением к сборнику. Лишь комниновская эпоха поставила византийскую юридическую мысль в лице Феодора Веста и Феодора Вальсамона перед необходимостью согласования церковных канонов и корпуса императорского законодательства в отношении церкви, в том числе и законодательства, собранного в окончательной редакции первой книги «Василик» еще в царствование Льва VI. Если Вест предпочитал, по прежнему, использовать юстиниановское право при помощи «Трехчастного Собрания», Вальсамон активно цитировал «Василики» в своих схолиях на главы «Номоканона». Однако первая книга «Василик», содержащая церковные императорские законы, осталась, в значительной степени, не востребована церковью по сравнению с «Трехчастным Собранием» и более ранним сборником Иоанна Схоластика (VI в.). Этим во многом объясняется ее некорректная реконструкция, предпринятая Фабротом и братьями Хеймбахами. Указанное обстоятельство лишь подтверждается рецепцией византийского императорского законодательства в отношении церкви, предпринимавшейся в средневековой Руси в рамках «ефремовской» кормчей (Я.Н. Щапов, А.Е. Мусин).

Десятая глава «Римское церковное право и византийский «Номоканон»».

Указанная глава основывается на сопоставлении принципов и методов формирования латинских «собраний» канонов предграциановской эпохи (XI-

начало XII в.) и византийского «Номоканона XIV титулов». Сравнительный анализ рубрики «Декрета» Бурхарда Вормсского, «Собрания в 74 титулах», «Собрания канонов» Ансельма Луканского и титулов «Номоканона» в полной мере выявляет различия канонического и экклесиологического сознания латинян и греков, предопределившие схизму 1054 г. Если латинские церковно-юридические компиляции, как проимперской, так и ультрамонтанской ориентации, были основаны на канонической идее универсализма папской юрисдикции и привлекали фрагменты «псевдо-исидоровых декреталий», то «Номоканон» и комментарии к нему Вальсамона, созданные уже в XII в., базировались на теории пентархии. При этом теория пентархии воспринималась ромеями в контексте представлений о том, что именно Константинополь является Новым Римом и окормляет ойкумену (Анна Комнина, Зонар, Вальсамон). Исследование предметов епископского литургического обихода французских, фландрских и лотарингских диоцезов Римско-Католической церкви, известных в большом количестве с конца XI в. в различных музейных европейских собраниях, демонстрирует широкую степень проникновения идеи универсализма папской юрисдикции в литургическую повседневность. В частности наверхия епископских жезлов, монограммы перстней (видимых знаков инвеституры), формы митр, казул и капп имеют устойчивую тенденцию отражения римских литургических прототипов, как папских, так и кардинальских с конца XI столетия. Указанное обстоятельство связано несомненно с общей унификацией латинского богослужебного чина, проводившейся Григорием VII и Урбаном II.

Заключение: «Историческое и правовое значение кодификации церковного права в раннее средневековье» содержит основные выводы диссертации, подводящие итог проделанному исследованию. Эти выводы дают возможность представить модель периодизации развития и кодификации канонического права в период раннего средневековья, проследить развитие канонического права в более поздние периоды. Схизма 1054 г., последующие неудачи Лионского и Флорентийского унионистских соборов 1274 и 1439 гг. в значительной степени были предопределены различными экклесиологическими системами и церковно-юридическими теориями, заложенными в основу корпуса канонического права западной и восточной церкви (И. Конгар, протопресвитер Иоанн Майендорф). Указанное различие очевидным образом сочеталось с богословскими спорами латинян и греков. Однако общая христианская вера, правовое наследие древней неразделенной церкви и греко-римской цивилизации без сомнения определяли развитие латинского католического Запада и византийского православного Востока в средние века в качестве единого культурно-исторического пространства.

Приложения к диссертации представляют собой критическую публикацию древнейшего кодекса канонов Римской церкви середины IV в., известного по спискам «Квеснеллова Собрания», а также первой книги «Собрания канонов»

Ансельма Луканского 1083 г., восстановленной по исходной редакции памятника – версия Барберини.

Основные положения диссертационного исследования опубликованы в следующих печатных работах:

Статьи в ведущих рецензируемых научных журналах и изданиях, входящих в перечень ВАК

1. Митрофанов А.Ю. Богословско-каноническое наследие Ансельма, епископа Луканского, в традиции западноевропейской средневековой истории // Государство, Религия, Церковь в России и за рубежом. Научный журнал Российской Академии государственной службы при президенте РФ. М., 2 / 2010. С. 106-121 (1,5 п.л.)
2. Митрофанов А.Ю. Становление папского примата в контексте ранневизантийской истории // Государство, Религия, Церковь в России и за рубежом. Научный журнал Российской Академии государственной службы при президенте РФ. М., 3 / 2010. С. 121-136 (1,5 п.л.)
3. Митрофанов А.Ю. Загадки Бонифация как поэтический памятник каролингского возрождения // Вестник Санкт-Петербургского Университета. Серия 9. «Филология», СПб., 2011. Вып. 2. С. 63-68 (0,5 п.л.)
4. Митрофанов А.Ю. Квеснеллово Собрание канонов как древнейший латинский корпус церковного права (проблема реконструкции) // Вестник Удмуртского Университета. Серия 5: История и филология. Вып. 1, Ижевск, 2011. С. 3-9 (0,5 п.л.)
5. Митрофанов А.Ю. Рангерий Луканский и его поэтическое наследие // Вестник Православного Свято-Тихоновского Гуманитарного Университета. Серия III: Филология. Вып. 2 (24), М., 2011. С. 19-26 (0,5 п.л.)
6. Митрофанов А.Ю. «Собрание канонов» Ансельма Луканского и его рукописная традиция // Вестник Православного Свято-Тихоновского Гуманитарного Университета. Серия I: Богословие. Философия. Вып. 1 (33), М., 2011. С. 7-21 (0,8 п.л.)
7. Митрофанов А.Ю., Лебедева Г.Е. Экклесиология и общественно-политические воззрения Ансельма Луканского // Средние Века. 72 (1-2), М., 2011. С. 60-86. (1,5 п.л.)
8. Митрофанов А.Ю. Квеснеллово Собрание канонов как памятник «геласиевского» возрождения римского права // Труды объединенного научного совета по гуманитарным проблемам и историко-культурному наследию, 2008 год. СПб., «Наука», 2009. (в печати – 1,2 п.л.)
9. Митрофанов А.Ю. Формирование византийского «кодекса канонов» в свете истории // Государство, Религия, Церковь в России и за рубежом. Научный журнал Российской Академии государственной службы при президенте РФ. М., 1 / 2011. (в печати – 1,5 п.л.)

Монографии

1. Митрофанов А.Ю. История церковных соборов в Италии (IV-V вв.). Издательство Крутицкого подворья. Общество любителей церковной истории. М., 2006. 39,5 п.л. 626 с.
2. Митрофанов А.Ю. Церковное право и его кодификация в период раннего средневековья (IV-XI вв.). Издательство Крутицкого подворья. Общество любителей церковной истории. М., 2010. 27,0 п.л. 425 с.

Статьи и тезисы научных докладов в других изданиях

1. Митрофанов А.Ю. Практика епископского поставления по законодательству Юстиниана Великого // Человек, природа, общество. Актуальные проблемы. Материалы 12 международной конференции молодых ученых 27-30 декабря 2001 г. СПб., 2001. С. 384-394 (0,5 п.л.)
2. Митрофанов А.Ю. Каноническое право и законодательство Юстиниана о допуске рабов и колонов-адскриптициев в епископат // История и культура средних веков: актуальные проблемы. Тезисы докладов XXI межвузовской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых 26-30 ноября 2001 г. СПб., 2002. С. 3-4 (0,3 п.л.)
3. Митрофанов А.Ю. De statutis clericorum: социальный статус клириков в ранней Византии IV-VI вв. по правовым источникам // Человек, природа, общество. Актуальные проблемы. Материалы 13 международной конференции молодых ученых 26-30 декабря 2002 г. СПб., 2002. С. 338-350 (0,7 п.л.)
4. Митрофанов А.Ю. Рецепция итало-византийского церковного права IV-V вв. в латинских канонических собраниях италийского происхождения // Проблемы социально-политической истории и культуры средних веков и раннего нового времени. Межвузовский сборник под редакцией д-ра ист. Наук Г.Е. Лебедевой. СПб., 2005. С. 124-145 (1,8 п.л.)
5. Митрофанов А.Ю. Агиографическое предание о св. Зиноне Веронском в контексте общественно-культурной жизни Вероны (XIII-XIV вв.) // Вестник Санкт-Петербургского Университета. Серия 9. «Филология», СПб., 2006. Вып. 4, С. 23-28 (0,5 п.л.)
6. Митрофанов А.Ю. Ecclesia in re publica aut res publica in ecclesia: Проблема первенства канонического и светского права в ранней Византии // Средневековая Европа: Проблемы истории и культуры. Тезисы докладов ежегодной межвузовской конференции

- «Проблемы социально-политической истории и культуры средних веков». 2002-2004 гг. СПб., 2006. С. 75-77 (0,3 п.л.)
7. Митрофанов А.Ю. Ранневизантийское законодательство IV-V вв. о семейном статусе клириков // Средневековая Европа: Проблемы истории и культуры. Тезисы докладов ежегодной межвузовской конференции «Проблемы социально-политической истории и культуры средних веков». 2002-2004 гг. СПб., 2006. С. 6-8 (0,3 п.л.)
 8. Митрофанов А.Ю. Рецепция италийских памятников церковного права IV-V вв. в латинских канонических собраниях // Из истории и культуры средних веков и раннего нового времени. Сб. статей. СПб., 2006. С. 3-10 (0,4 п.л.)
 9. Митрофанов А.Ю. Синтаксические особенности послания императора Констанция к Евсевию, епископу Верцелльскому, в контексте стилистики поздне-римского эпистолярного жанра // Электронный вестник Центра переподготовки и повышения квалификации по филологии и лингвострановедению. – 2006. – Вып. 2. – Электронный Журнал / <http://www.gsntinorms.ru> (0,5 п.л.)
 10. Митрофанов А.Ю. Становление самостоятельной арианской церкви на рубеже IV-V вв. // Вестник Санкт-Петербургского Университета. Серия 2. «История», СПб., 2006. Вып. 4, С. 212-217 (0,5 п.л.)
 11. Митрофанов А.Ю. Туринский собор 398 г. и его значение для внутреннего состояния Западной Церкви на рубеже IV-V вв. // Церковно-Исторический Вестник 12-13, 2005-2006 гг. М., 2006. С. 129-147 (1,3 п.л.)
 12. Митрофанов А.Ю. Людовик IX и Хетум: неудавшийся церковно-политический альянс // Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего нового времени. Межвузовский сборник под редакцией д-ра ист. наук Г.Е. Лебедевой. Вып. 7. СПб., 2007. С. 68-83 (0,8 п.л.)
 13. Митрофанов А.Ю. Духовные основы «григорианской реформы»: духовно-аскетические взгляды епископа Ансельма Луккского (1036-1086) // Церковно-Исторический Вестник 15, М., 2008. С. 31-48 (0,8 п.л.)
 14. Митрофанов А.Ю. Жизненные вехи Ансельма, епископа Лукки // Память и история: на перекрестке культур. «Успенские чтения», Тезисы докладов. Киев. 2009. С. 289-312 (1,8 п.л.)
 15. Митрофанов А.Ю. Жизненные вехи Ансельма Луканского: штрихи к историческому портрету // Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего нового времени. Межвузовский сборник под редакцией д-ра ист. наук Г.Е. Лебедевой. Вып. 8. Юбилейный. СПб., 2010. С. 165-192 (1,6 п.л.)
 16. Митрофанов А.Ю. «Собрание канонов» Ансельма Луканского как средство рецепции юридического наследия // Проблемы истории и культуры средневекового общества. Тезисы докладов XXIX

всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Курбатовские чтения», СПб., 2010. С. 53-58 (0,4 п.л.)

17. Митрофанов А.Ю. Квеснеллово Собрание канонов как древнейший латинский корпус церковного права // Проблемы истории и культуры средневекового общества. Тезисы докладов XXX всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Курбатовские чтения», СПб., 2011. С. 89-96 (0,4 п.л.)